

Кострюков А. А.

**Влияние русского монашества
на церковную жизнь Болгарии в 1920–1940-е гг.**

Влияние Болгарской Церкви на христианизацию Руси без преувеличения можно назвать определяющим. Достаточно вспомнить, что богослужебные тексты в большинстве своем переводились на церковно-славянский язык именно в болгарских монастырях. Спустя почти тысячелетие Русская Церковь хотя бы частично, но вернула этот долг. В значительной степени помощь болгарскому православию была оказана русским монашеством.

Как известно, преподобный Сергей Радонежский оставил о себе память не только как о молитвеннике и чудотворце, но и как о благотворителе, завещавшем не жалеть церковных средств на помощь бедным, больным и бездомным. Очень важно, что русское монашество в Болгарии в XX веке сумело осуществить все аспекты служения Игумена земли русской.

Но прежде чем говорить о влиянии, которое оказала русская монашеская традиция на болгарскую церковную жизнь, следует сказать о количестве эмигрантов в Болгарии и о ситуации, в которой находилась Болгарская Церковь к 1920 году.

Первые беженцы стали прибывать в Болгарию в годы Гражданской войны. По подсчетам М. Йовановича, численность русских беженцев в Болгарии составляла в 1920 г. 16 тысяч, в 1921 г. – 36 тысяч человек. Впоследствии количество эмигрантов снизилось: в 1934 г. их было около 20 тысяч, а к 1937 г. – 16,5 тысяч человек¹.

Труднее определить число священнослужителей, оказавшихся в Болгарии. До основания Русской Зарубежной Церкви священники-беженцы, прибывая в православные страны, нередко поступали в клир Поместных Церквей. Для примера можно сказать о ситуации в Сербии. Протопресвитер Георгий Шавельский считал, что к августу 1920 г. в Сербскую Православную Церковь было принято более 60 русских священников². Есть основания полагать, что число свя-

¹ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 123.

² ГА РФ. Ф. 3691. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

Влияние русского монашества на церковь Болгарии в 1920–1940-е гг.

щенников, перешедших в Болгарскую Церковь, также исчислялось десятками. Но существовало немало беженских общин, не желавших входить в подчинение Поместным Церквам. Для руководства ими в октябре 1920 г. Высшим церковным управлением на Юге России был назначен архиепископ Евлогий (Георгиевский).

Несмотря на то, что в городах и селах, где группировались русские беженцы, были православные храмы (сербские, болгарские и греческие), для наших соотечественников первой заботой было устроить свою, русскую, церковь с привычным богослужением³. Важным представлялось и сохранение церковной структуры со своим укладом, в связи с чем и была образована Русская Зарубежная Церковь. Но даже подчиняясь ей, священники и паства не могли не влиять на местные традиции. Болгария не стала исключением.

Проблем в жизни Болгарской Церкви было немало. Наиболее известной и серьезной из них было отсутствие официального общения с Поместными Церквами по причине отлучения, наложенного Константинополем в 1872 году.

Были и другие проблемы, например, наличие секты «добрых самарян» или «добросамарянства». Лидером этого религиозного течения был Стефан Денев. Была здесь и своя пророчица – Бона Велинова, утверждавшая, что получает откровения от Бога. Учение секты было навеяно хилиазмом. Добросамаряне учили, например, о грядущем тысячелетнем царстве, в котором они займут первые места. При этом последователи лжеучения сблизились с другим псевдоправославным течением в Болгарии – нестинарством, где было принято в состоянии экстаза ходить по раскаленным углям. Деятельность «добрые самаряне» вели весьма активную. В частности, они издавали свою газету и книги с хилиастическими толкованиями Библии. Но самым неприятным было то, что добросамаряне на словах декларировали верность Болгарской Церкви и участвовали в ее таинствах. Они неоднократно пытались добиться официального благословения со стороны Синода⁴. Таким образом, ересь разрушала Болгарскую Церковь изнутри. Лжеучением были охвачены некоторые небольшие монастыри, встречались среди добросамарян и священники. Количество приверженцев лжеучения на конец 1940-х гг. составляло около 20 тысяч человек⁵. Важно и другое. В 1940-е годы в Болгарии возникло движение церковных модернистов, подобное движению красных обновленцев в России в 1920-е годы.

³ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

⁴ ЦДА. Ф. 791. Оп. 1. АЕ 36. Л. 96–96 об.

⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 172.

Болгарские модернисты, поддерживаемые местной компартией, на официальных съездах прямо говорили о необходимости построения на земле Царства Божия. Возможно, что такие идеи были отчасти навеяны добросамарянством.

Не всегда был на высоте и богослужебный уровень. Протопресвитер Г. Шавельский свидетельствовал, что русские беженцы были неприятно удивлены тем, что в Болгарии не всегда и не везде совершалось всенощное бдение накануне воскресных дней, не было принято причащаться в Великий Четверг и в Великую Субботу, наконец, не было обязательной исповеди перед причастием. «Когда я стал доказывать одному из видных болгарских богословов необходимость введения у них исповеди, – писал протопресвитер, – он решительно заявил мне, что это невозможное дело, так как никто не решится открывать свои грехи священнику, который может рассказать о них другим... Для русского священника, умеющего хранить исповедные тайны, такое заявление не может не показаться удивительным и странным»⁶.

Не менее вопиющий случай передавал протоиерей Всеволод Шпиллер. В своем письме митрополиту Григорию (Чукову) он сообщал, что архиепископ Серафим (Соболев), находясь в одном из курортных городков, часто посещал местный болгарский храм. «Владыка Серафим, – рассказывал протоиерей В. Шпиллер, – заметил, что священник не читает тайных молитв евхаристического канона, что выпускает молитву пресуществления Даров. Он подумал, что происходит это случайно, но несколько раз подряд повторялось одно и то же, пока Владыка, наконец, не обратил внимание служащего священника, что его евхаристия – не евхаристия. Оказалось, что священник вообще никогда эту молитву не читает и значение ее ему, собственно, неизвестно»⁷.

Нередким явлением был в Болгарии четвертый брак, который допускался с разрешения Синода Болгарской Церкви. Доходило до того, что некоторые даже просили разрешения на пятый брак, правда, в таких случаях Синод своего благословения все же не давал⁸.

Со всеми этими явлениями и столкнулась теперь русская эмиграция. С дореволюционных времен в стране было несколько объектов недвижимости, принадлежавших Русской Церкви. Это храм святителя Николая в Софии, храм-памятник на Шипке и Спасский (Александро-Невский) монастырь в Ямболе. С прибытием беженцев количество приходов стало увеличиваться.

⁶ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. С. 628, 653–655.

⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 30.

⁸ ЦДА. Ф. 791. Оп. 1. АЕ 39. Л. 117–118, 216–216 об., 240 об. АЕ. 46. Л. 690–691.

Влияние русского монашества на церковь Болгарии в 1920–1940-е гг.

О влиянии русской эмиграции можно сказать многое. Например, большую роль играло хоровое пение. Хоры организовывались всюду, где русские беженцы устраивали храмы. Интерес болгар к русскому пению был столь велик, что его даже стали преподавать в Софийской духовной семинарии⁹. В богослужебную практику Болгарской Церкви стала возвращаться и исповедь.

Но особо хотелось бы сказать о влиянии на болгарскую церковную жизнь русских монахов – духовных наследников преподобного Сергия Радонежского.

Одним из замечательных архипастырей, трудившихся на болгарской земле, был архиепископ Дамиан (Говоров). Будущий иерарх родился в 1855 г., окончил Екатеринославскую духовную семинарию, был рукоположен во иерея. В 1911 г. он окончил Киевскую духовную академию, был пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и назначен ректором Кишиневской духовной семинарии. В 1916 г. был рукоположен во епископа Эриванского, викария Тифлисской епархии, затем был епископом Петровским, а с 1918 г. – епископом Царицынским, викарием Саратовской епархии.

В 1920 г. епископ Дамиан находился в Крыму, где основал Свято-Владимирское братство, задачей которого была просветительская и благотворительная деятельность. Свою деятельность архипастырь продолжил и в эмиграции.

Как и Патриарх Тихон, епископ Дамиан видел промыслительное значение в русском изгнании. «Христианское сознание говорило нам, – писал епископ, – что все совершившееся наяву – не случайное явление. Движение Российское и движение мировое привело нас к центру православия для какой-то великой цели, ибо все пережитое русским человеком за это время – дело большого масштаба». Душа архипастыря и здесь требовала деятельности. Вскоре после прибытия в Константинополь епископ Дамиан возобновил работу Свято-Владимирского братства. Благодаря американским гуманитарным организациям иерарху удалось получить не только материальную помощь, но и дом на 36 комнат. Здесь архипастырь открыл интернат для русских детей-сирот. Таковых набралось до 50 человек. Для того, чтобы интернат ни в чем не нуждался, владыка устроил при нем прачечную и рыбокоптильню. Таким образом, обитатели интерната через некоторое время стали обеспечивать себя сами, не обращаясь к чьей-то помощи¹⁰. Но в Константинополе

⁹ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 18 об.

¹⁰ *Тинина З.Л.* Дневник архиепископа Царицынского Дамиана 1919–1922 гг. // Мир Православия. Сборник научных статей. Вып. 4. Волгоград, 2002. С.285, 287.

архипастырю закрепиться не удалось, и с 1921 г. его служение проходило в Болгарии.

В 1922 г. в монастыре святых Кирика и Иулитты епископ Дамиан основал Пастырско-богословское училище, которое существовало до 1936 года. За эти годы его окончило более 50 человек. Некоторые из выпускников потом продолжили обучение в высших богословских учебных заведениях, в том числе и в Свято-Сергиевском институте в Париже. Многие выпускники училища приняли священный сан.

Семинария была расположена в монастыре, и быт здесь был монашеский. Богослужению в монастыре уделялось большое внимание. Все воспитанники должны были ежедневно участвовать в нем. Обязательным для воспитанников был труд, хозяйство монастыря велось только учащимися. Они обучались также и ремеслам на черный день¹¹. Училище сдавало в аренду 2/3 своей земли, а остальные площади обрабатывались самостоятельно. «Это обстоятельство, – писал в связи с этим епископ Серафим (Соболев), – заставляет учеников значительную часть учебного времени, продолжающегося круглых год, посвящать физическому труду для своего пропитания». Монастырь имел виноградники, за которыми ухаживали воспитанники. Они же производили на продажу вино и ракию¹².

Архиепископ Анастасий (Грибановский), посетивший училище в 1924 г., писал об учащихся: «Трудясь неустанно с утра до вечера они однако не обеспечены всем необходимым. Часто ложась спать они не знают, будут ли иметь пропитание на будущий день. Особенно они нуждаются в одежде, чтобы приобрести ее они вынуждены по временам прерывать занятия и идти на заработки по окрестным селениям. Вообще, бедность – это главная болезнь школы, благодаря ей последняя не может шире развернуть свою деятельность и привлечь к себе полный комплект учащихся и необходимый состав преподавателей. Весь годовой доход школы едва ли превышает 20 000 левов»¹³. Несмотря на бедность, неимущим студентам училище даже выплачивало небольшую стипендию из специальных фондов Берлинского епископа, Лондонского комитета помощи русским клирикам и Покровского сестричества в Берлине¹⁴.

Архиепископ Дамиан умер в больнице 19 апреля 1936 года, и основанное им училище в том же году было закрыто.

¹¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 251.

¹² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 210.

¹³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 114–115 об.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 319.

Владыка Дамиан был не единственным иерархом, пытавшимся привить в Болгарии русские монашеские традиции. В деле осуществления заветов преподобного Сергия немало потрудились и другой иерарх – архиепископ Серафим (Соболев).

Этот архипастырь был выпускником Рязанской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, был ректором Воронежской духовной семинарии, в годы Гражданской войны также оказался в Крыму. Здесь в 1920 г. он был рукоположен во епископа Лубенского, в том же году эмигрировал и был назначен управляющим русскими приходами в Болгарии. В 1922 г. Патриарх Тихон изменил титул епископа Серафима на Богучарский.

Архипастырь было чем поделиться с братской Болгарской Церковью. В России он был близок к архиепископу Феофану (Быстрову) – человеку чистой монашеской жизни и глубокого духовного настроения. В течение нескольких лет отец Серафим поддерживал отношения с оптинскими старцами, а преподобный Анатолий (Потапов) стал его духовником. Оказавшись в Болгарии, архиепископ Серафим добился переезда в эту страну архиепископа Феофана. Но отношения между иерархами впоследствии разладились из-за учения митрополита Антония (Храповицкого) об искушении. Если архиепископ Феофан выступал за незамедлительное осуждение этого учения как ереси, то епископ Серафим подходил к этой проблеме более спокойно¹⁵.

Архиепископ Серафим уделил особое внимание церковному хору своего кафедрального храма и вскоре хор Свято-Никольской церкви стал одним из лучших в Болгарии. Митрополит Софийский Стефан (Шоков) направлял молодых священников на стажировку именно в русский Свято-Никольский храм¹⁶. Но помимо приходской жизни владыка Серафим уделял внимание и жизни монашеской.

Сам архипастырь творил Иисусову молитву. Немногие знают о его тесных связях с монахами Святой Горы Афон, в основном из Андреевского и Ильинского скитов. Среди этих старцев были архимандриты Иустин, Митрофан и Иоанн. Духовную связь иерарх поддерживал и со старцами скита Каруля – одного из самых строгих и труднодоступных скитов. На Святой Горе хорошо знали владыку. Когда русские афонские монахи проезжали через Болгарию, они

¹⁵ Подробнее см.: Новые сведения о взглядах архиепископа Богучарского Серафима (Соболева) на проблемы Русской Православной Церкви / Публ., вступ. статья и комментарии А.А. Кострюкова // Вестник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 124–133.

¹⁶ Говорухин В. Русский Свято-Николаевский храм в Софии // Русский Свято-Николаевский храм в Софии. София. Любомъдрие. 1995. С. 19, 141.

всегда останавливались именно у него. После отъезда архиепископа Феофана во Францию владыка Серафим исповедовался у святогорцев. Один из них, иеросхимонах Кассиан, часто ездил через Болгарию в Прикарпатье, где был духовником одного из монастырей. Впоследствии старец Кассиан говорил духовным детям архиепископа Серафима: «Ваш владыка – святой жизни. Никогда больше не встречал таких архиереев!» Но особенно близким архиепископу Серафиму стал афонский старец иеросхимонах Лот из Крестовоздвиженского скита. У него владыка исповедался в течение долгих лет¹⁷. Со своей стороны архиепископ Серафим помогал Афону, чем мог. Он организовал комитет по сбору помощи в поддержку русских монахов Афона, находившихся после революции в тяжелом состоянии, часто голодавших и испытывавших притеснения греческого правительства¹⁸.

Архиепископ Серафим часто бывал в Рыльском монастыре, а летом уезжал в Ямбольский Спасский монастырь. В 1932 г. Болгария признала советское государство и обязалась передать ему русское церковное имущество. Русские эмигранты выступили против передачи храмов коммунистическому государству, понимая, что церкви будут попросту поруганы. После долгих переговоров советские представители отказались от храмов и монастыря, согласившись передать их Болгарской Церкви. Русским эмигрантам пришлось покинуть эти храмы. Болгарская Церковь предоставила русской общине другие помещения, в том числе и Кокалянский монастырь святого архангела Михаила. Архиепископ Серафим начал создавать здесь монашескую общину, причем митрополит Софийский Стефан просил его принимать в монастырь и болгар, чтобы, набравшись духовного опыта, они впоследствии распространили общежительное монашество по всей Болгарии.

Вообще, упадок общежительного монашества был серьезной проблемой Болгарской Церкви, о чем свидетельствовал, например, влиятельный болгарский архипастырь митрополит Врачанский Паисий (Анков)¹⁹.

Необходимость возрождения общежительного монашества с помощью русских монахов-беженцев понимал еще один замечательный болгарский иерарх – митрополит Неврокопский Борис

¹⁷ Кратък животопис на Светител Серафим, архиепископ Богучарски, Софийски чудотворец // Православно слово. 2002. № 2. С. 6–7.

¹⁸ *Пантелеимон (Старицкий), архим.* Воспоминательное слово в первую годовщину после кончины архиепископа Серафима (Соболева) // Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима (Соболева). София, 2001. С. 30.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 81.

Влияние русского монашества на церковь Болгарии в 1920–1940-е гг.

(Разумов). Этого митрополита называли «совестью Болгарской Церкви». После Второй мировой войны он предлагал заселить русскими монахами даже самую известную болгарскую обитель – Рыльский монастырь. Митрополит Борис говорил, что русские монахи помогут восстановить здесь истинную монашескую жизнь. Но идее митрополита Бориса не было суждено осуществиться. Коммунистическому руководству Болгарии и стоявшему за ним Советскому государству великорусские идеи были не по душе. Духовенство, ориентированное на Россию и Русскую Церковь, доверием не пользовалось. Сам митрополит Борис был объявлен «врагом № 1» и в 1949 г. был убит²⁰.

Архиепископу Серафиму принадлежит заслуга основания Покровского девичьего монастыря в пригороде Софии – Княжеве. Создание такого монастыря было давней мечтой архиепископа Серафима. Разрешения на открытие обители он добивался не один год и мечта его осуществилась только за несколько месяцев до смерти. Болгарское руководство под нажимом всеми уважаемого иерарха хоть и не сразу, но пошло ему навстречу. Ходатайствовала об открытии русского монастыря и Болгарская Церковь. Один из защитников обители митрополит Врачанский Паисий считал, что Покровский монастырь принесет большую пользу, так как оживит монашескую жизнь в стране²¹.

Первоначально архиепископ Серафим планировал построить недалеко от русского Свято-Никольского храма здание для монашеской общины. В его планах было и строительство свечного завода для содержания новой обители, так как обеспечивать монастырь своим рукоделием сестры не смогли бы. Инициатива архиепископа Серафима была поддержана Патриархом Алексием I. На нужды строительства Святейший выслал 600 тысяч левов, что составляло около 11 тысяч рублей. Тогда же глава Русской Церкви направил в дар открывавшейся обители Козельщанскую икону Божией Матери, которая стала одной из святынь монастыря²².

Проблемы возникли с помещением для обители. Власти не разрешали открыть монастырь в центре города, а руководство Болгарской Церкви вместо свечного завода дозволило открыть лишь мастерскую, с условием, что свечи будут продаваться только в русских храмах. Но были проблемы намного серьезнее. Узнав, что архиерей Русской Православной Церкви хочет основать монастырь,

²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 131.

²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 81.

²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 25а–25а об., 81–81 об.

пусть даже и в Болгарии, возмутилось советское руководство. Ведь начиная с 1945 г. монастыри в Русской Церкви не открывались, а, наоборот, закрывались. Активно мешать святому делу стал председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов. Будто бы зная духовные чаяния болгар, он начальственным тоном поучал болгарского посла в СССР Благоеву, доказывая ей, что ее народ малорелигиозен и монастырь в Софии не нужен в принципе²³. Удивительно, но дело создания монастыря после этого не прекратилось. В декабре 1949 г. департамент исповеданий передал новой монашеской обители помещение из пяти больших комнат на улице 6 сентября. В конце декабря 1949 г. монахиням было разрешено заселяться в помещение.

Начало обители было положено. Архипастырь планировал постричь в монашество трех девиц, а затем увеличить их число. Желающих поступить в монастырь с самого начала было немало. Владыке даже пришлось сдерживать этот напор, тем более что обитель в тот момент могла принять не более семи сестер. С самого начала иерарх видел настоятельницей будущей обители Ольгу Ливен, давно стремившуюся к монашеству. Архиепископ сам постриг ее и просил у Патриарха разрешения возвести ее в сан игумении. Архипастырь ревностно следил за тем, как обустраивается монастырь, считая его своим детищем. «Я верую, – писал архиепископ Серафим Патриарху Алексию, – что Матерь Божия не оставит нашей женской обители. Я вверил ее Покрову Божией Матери. А Вас, Святейший Владыко, покорно прошу благословить именовать открывающуюся женскую обитель Покровской»²⁴. Даже когда архиепископ был тяжело болен и не вставал с постели, он продолжал давать указания монахиням. Говоря с ними о монастыре, он точно описывал помещения, в которых никогда не был, а когда сестры спрашивали, откуда он это знает, архипастырь улыбался и отвечал: «Да разве?»²⁵

Наконец, именно ученики архиепископа Серафима развернули активную борьбу с добросамарянством. Архимандрит Мефодий (Жерев) наблюдал за «огненными танцами», разговаривал с жителями, как сторонниками, так и противниками нестинарства, и вынес твердое убеждение, что чудо имеет бесовскую основу и сходно с экстазом, в который впадают шаманы. Свои выводы архимандрит изложил в статье «Нестинарские игры – языческая бесовщина», опубликованной в журнале «Православный миссионер». Архимандриту Мефо-

²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 21.

²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 25а об.

²⁵ Духовные чада о владыке Серафиме // *Серафим (Соболев), архиеп. Проповеди*. София, 1998. С. 11.

дию принадлежали труды не только против нестинарства, но и против добросамарянства. Критике ересь подверглась и в трудах других духовных чад архиепископа Серафима. Так, епископ Парфений написал книги «Добросамарянство без маски» и «Добросамарянство и Православие», а архимандрит Серафим (Алексеев) опубликовал статью «Православны ли добросамарянские вожди?». В настоящее время эта ересь в Болгарской Церкви исчезла.

Надо обратить внимание, что архиепископ Серафим и его ученики стеной встали на защиту Болгарской Церкви от модернизма, который грозил ей расколом в конце 1940-х гг.

Ученик архиепископа Серафима епископ Левкийский Парфений вошел в историю как автор нескольких книг, переводчик на болгарский язык святоотеческих сочинений и массы богослужебных текстов. Он написал службы святителю Евфимию Тырновскому, преподобному Феодосию Тырновскому, преподобному Иоанну Рыльскому, софийским мученикам Николаю, Георгию Новому, Георгию Новейшему и др. Кроме того, архипастырь переводил на болгарский язык святоотеческие сочинения. Переводами святоотеческих творений на болгарский язык прославился и другой ученик архиепископа Серафима – архимандрит Мефодий (Жерев). Он приложил немало усилий для популяризации в Болгарии наследия праведного Иоанна Кронштадтского, написав о нем книгу, которая пользовалась в Болгарии большой популярностью.

Неудивительно, что к концу 1940-х гг. к архиепископу Серафиму накопилось множество претензий со стороны коммунистического государства: выступления против обновленчества, открытие монастыря, независимость в епархиальных делах. Ему припомнили теперь и факт его пребывания в Русской Зарубежной Церкви, и его монархические убеждения. В январе 1950 г. в Совете по делам РПЦ уже обсуждался вопрос об увольнении архиепископа Серафима на покой. Этим планам помешала смерть иерарха 24 февраля 1950 года.

Вскоре Советское государство передало все имущество Русской Церкви Болгарии. Исключением стал лишь Никольский храм в Софии, который сейчас является Подворьем Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Русские монахи были расселены по другим обителям Болгарской Церкви.

Но основную задачу русские монахи-эмигранты выполнили. Представляется несомненным, что без участия наших соотечественников процесс решения проблем Болгарской Церкви мог растянуться на долгие годы и принести ей немало проблем.

Источники и литература:

1. ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8.
2. ГА РФ. Ф. 3691. Оп. 1. Д. 7.
3. ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7.
4. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222.
5. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132, 419, 731.
6. ЦДА (Центральный державный архив) (София). Ф. 791. Оп. 1. АЕ 36, 39, 46.
7. *Говорухин В.* Русский Свято-Николаевский храм в Софии // Русский Свято-Николаевский храм в Софии. София. Любомьдрие. 1995.
8. Духовные чада о владыке Серафиме // *Серафим (Соболев), архиеп.* Проповеди. София: Покровский монастырь, 1998.
9. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005.
10. Кратък животопис на Светител Серафим, архиепископ Богучарски, Софийски чудотворец // Православно слово. 2002. №2.
11. Новые сведения о взглядах архиепископа Богучарского Серафима (Соболева) на проблемы Русской Православной Церкви / Публ., вступ. статья и комментарии А.А. Кострюкова // Вестник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 124–133.
12. *Пантелеимон (Старицкий), архим.* Воспоминательное слово в первую годовщину после кончины архиепископа Серафима (Соболева) // Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима (Соболева). София: Девичий монастырь Покрова Пресвятой Богородицы; Издательство св. апостола и евангелиста Луки, 2001.
13. *Тинина З.П.* Дневник архиепископа Царицынского Дамиана 1919 – 1922 гг. // Мир Православия. Сборник научных статей. Вып. 4. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2002.